

л и ч н о е м н е н и е

ТАТЬЯНА МОСКВИНА

**ЛЮБЛЮ
и ненавижу**

АМФОРА

Татьяна Владимировна Москвина

Люблю и ненавижу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8639424

Люблю и ненавижу / Т. В. Москвина: Амфора; Санкт-Петербург; 2006

ISBN 978-5-367-00071-1

Аннотация

Сборник статей популярной петербургской журналистки Татьяны Москвиной включает в себя размышления о судьбах России и родного города, литературные портреты наших знаменитых современников, рецензии на нашумевшие кинофильмы последних лет. Герой книги – современная Россия. Никита Михалков и Владимир Жириновский, Алиса Фрейндлих и Валентина Матвиенко, Александр Сокуров, Рената Литвинова... и даже сам черт, явившийся в Россию дать интервью, образуют причудливый хоровод отражений в живом уме автора блистательных эссе. Татьяна Москвина любит и ненавидит своих героев и свою Россию с истинной страстью. Водопад блестящих афоризмов и искрометных наблюдений, полет мысли и танец юмора берут в плен читателя сразу и отпускают не скоро: такова истинная власть острого Слова.

Содержание

Часть первая	4
Триста лет одиночества	4
Что я ненавижу	9
Когда солнце было за нас	13
Опять двойка	18
Все будет!	23
Собственно, желание	27
Радости праздности	32
Бес мелкого	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Москвина

Люблю и ненавижу

Часть первая

Триста лет одиночества

В погожий апрельский день я возвращалась домой, а домик мой расположен в одном из поэтических уголков Петроградской стороны – там, где река Карповка остается без каменных набережных и, простоволосая, пустырями-огородами, как гуляющая деваха, убегает в Неву; там, где высится монастырь Иоанна Кронштадтского (но зачем эти черные купола, как они всегда смущают душу, никогда не смирюсь – купола должны быть золотые!), а на территории монастыря до сих пор еще, с советских времен, находится распределительный щит – так что, если работников РТР-Петербург (через дорогу, бывшая школа) творческой ночью настигает короткое замыкание, приходится будить монахинь; там, на улице, изгибающейся под прямым углом и когда-то носившей имя улицы Милосердия, а теперь называющейся улицей Всеволода Вишневского (автор пьесы «Оптимистическая трагедия»), расположен мой грязненький домик невыразимого

цвета, который я делю примерно с тремя сотнями жильцов. Жилец! Как много в этом слове... Словечко из Гоголя, из Достоевского. В романе «Бедные люди» описана ведь – коммунальная квартира, и Макар Дежушкин ютится в клетушке, выгороженной из кухни, и чад к нему идет, и мокрым бельем пахнет, и «чижики у нас мрут – мичман уже четвертого покупает». А живут не бомжи, не люмпены – служивый народ, чиновники, мелкие литераторы, мичман вот живет. Сколько этих съемных комнатух будет описано у Достоевского. И нигде – ни уюта, ни достатка, ни элементарной чистоты. Хотя у каждой квартиры есть Хозяйка или Хозяин. Но жильцы все равно живут, как положено петербургским жильцам – в нищете, грязи и мечтах. Окнами в наш двор выходит дом, о котором рассказывает мемориальная доска – в этом доме было принято «историческое решение о вооруженном восстании в октябре 1917 года». Злокачественный оказался домик... Здесь раньше была фабричная окраина, селились пролетарии, иные совсем не бедные – ну, а потомки их, в третьем-четвертом поколении, опустили вчистую.

Итак, я возвращалась домой, с покупками, с разными идеями насчет ужина (я-то, счастливица, в своей квартире живу) – и обнаружила на лестничной клетке нескольких приятных молодых людей. «Откройте, милиция!» – весело говорили они. Двери приоткрывались – с видом на коммунальные недра. Выглядывали некие лица, но все с порога отвергали предложение быть понятыми на обыске. Менты мне по-

направились – они были точь-в-точь из сериала «Улицы разбитых фонарей». То ли авторы сериала большие знатоки жизни, то ли сами менты мимикрировали под артистов, но зазора между эстетикой фильма и правдой жизни не было.

Я согласилась быть понятой на обыске. Дело оказалось вот какое. Гражданин одной южной республики, проживающий без регистрации с женой и двумя взрослыми сыновьями в съемной комнате (примерно метров двенадцать), был задержан где-то в северных районах при попытке ограбления квартиры. Гражданин уже сидел в КПЗ, а правоохранительные органы пришли по месту его жительства с целью изъятия воровского инструмента и ценностей. В бедной, да что там, нищей комнате, которую наши герои снимали у местного весельчака, уже имеющего в тридцать лет две «ходки», где яркими блескучими пятнами сияли разве что телевизор и магнитола, милиционеры петеряхивали унылый скарб. Жена гражданина стояла с видом гордым и уязвленным, один сын все сидел на футбольном мяче и мял длинные, как у музыканта, пальцы; соседи маячили в коридоре с видом зрителей, которых почему-то не пускают в театр; целую сумку с воровскими заточками-отмычками прилежно описывал любезный молодой опер... От вида чужой нечистой жизни было мутно и стыдно. И тут, среди вещей, милиционеры отыскали норковый полушубок и решили его описать. Сколько стоит? «Семьсот долларов», – сказала хозяйка не без гордости. «Странно, – заметила я машинально. – Иметь шубу за

семьсот долларов и так жить»... И тут с женой что-то произошло. «Я! Да разве я так жила! У меня дом в (название бывшей нашей республики опушу)! Двухэтажный! У меня машина, я...я вам сейчас покажу..». И женщина бросилась искать кассету с записью какого-то домашнего праздника в ее родном доме, где родственники вместе с ней, за чистым, красивым столом – пели песни, а наша хозяйка и пела гор-таным голосом что-то душевное, и на пианино играла... И эта кассета крутилась все время на фоне обыска, и от этого у меня голова поплыла окончательно.

Не испытывала я ни осуждения, ни даже и неприязни к воровской семейке. Только ощущение несчастья не проходило. Все неправильно, не так. Зачем эти люди гадким способом копят себе на жизнь и существуют так грязно, так убого? Зачем их сыновья так скверно проводят свои лучшие годы? Зачем хозяин комнаты Мишка уже десять лет отдал зоне и не нажил ничего, даже коврика, даже хороших стульев? И сколько же этого всего рассеяно по славному городу Петербургу. И сколько же этого было и будет.

Триста лет одиночества – вот как называется жизнь «жильцов» в Петербурге. Жизнь тех, кто все откладывает свое настоящее обустройство «на потом», а сейчас – ну, как –нибудь, пожую чего-нибудь. Вот и сейчас мы мечтаем – пройдет же это треклятое трехсотлетие. И тогда...

И свою роль я вдруг поняла с ясностью. Я – понятая. Понята на историческом обыске. Я ничего не могу изменить.

Никому не могу помочь. Я только могу свидетельствовать,
что обыск проведен по правилам и опись сделана верно.

2003 г.

Что я ненавижу

Что же плохого вы находите в ненависти? В отличие от столь бесплодных чувств, как зависть и ревность – пустая трата драгоценного времени, дара Богов! – хорошая, свежая, упитанная ненависть вполне способна прокормить пытлиую душу. Я решила набросать краткий список явлений, мне ненавистных, чтобы, по завету мудрых, познать себя.

Я, оказывается, совершенно ненавижу, когда крупная собака, растопырившись, садится гадить на газон или прямо на тротуар, а хозяин с ласковой нежностью смотрит, как дерьмо вылезает из-под ее хвоста. Поскольку все домашние животные – это не животные, а мохнатое подсознание хозяев, трактовка этой сцены недвусмысленна.

Ненавижу, когда вызываешь лифт, и вдруг за спиной раздаются шаги, это кто-то идет и хочет сесть в один лифт с тобой, и ты мучительно прикидываешь – успеет гад дойти или нет, и хочешь, чтобы лифт поскорее пришел, а он как нарочно едет будто с того света, а шаги ускоряются и надо что-то делать, вступать с претендентом в краткие мучительные отношения: либо прыгать в лифт у него на глазах, либо уступать свою законную очередь и ждать пока новоприбывшая сволочь доедет, либо, устав от разрешения нерешаемых вопросов войти в лифт вместе и стараться не смотреть солифтнику в глаза, приходится тогда смотреть на стены и читать

ненавистную надпись «ВЕТАЛИК КАЗЕЛ».

Определенно я ненавижу массовидных подростков мужского пола. Все они похожи на какого-то одного общего предка, так сказать, Подростка-прародителя, который когда-то, в юном творящемся мире, гоготал, сплевывал, сморкался, матюгался, шел вперевалочку – и все последующие подростки пытаются овладеть его великим образом. В районе семнадцати–восемнадцати лет массовидный подросток редет и несколько умирится – армия и тюрьма неумолимо осуществляют свой неестественный отбор, выбивая как явных жертв, так и пассионариев с их волчьими зубами и петлистыми ушами.

Ненавижу, когда мне говорят – «Дама, у вас шнурок развязался» или «у вас шарф по земле волочится». Вот почему мне нет никакого дела до их шнурков и шарфов, а они меня обшаркивают своими пустыми бегающими гляделками и считают себя вправе раскрывать рот по моему адресу? И еще я почему-то ненавижу – вот этого объяснить не могу – когда в церкви к горящим свечкам подходит на редкость специальная старушка и начинает вынимать огарки, еще очень даже способные некоторое время трудиться на моление просителя. Но она своей волей определяет, кому еще гореть, а кого уже выбрасывать, корявым натруженным пальцем гасит огонек – а кто дал ей на это право? Может, в это мгновение чье-то счастье обрывается или надежда пропадает. Нехороший образ, ненавижу его.

Ненавижу, когда в телевизионной рекламе используют псевдонаучные слова. С этой областью мнимости все ясно, сама по себе, как апофеоз человеческого идиотизма, она ненависти не вызывает, но вот корчи со мной делаются, когда я слышу, что в составе какой-то мутотени присутствуют триклозаны, керамиды, карбомины и еще вдобавок акваминералы. Как писал поэт Волошин (не тот, из Кремля, того я ненавижу заодно со всем кремлевским населением), – а настоящий Волошин, Максимилиан: – «Обманите меня, но совсем, навсегда чтоб не думать зачем чтоб не помнить, когда». Обещайте райское наслаждение и вечную молодость, но по честному, как это делали в древности, предлагая просто поверить, что за такие-то поступки ожидает блаженство, без всяких там вшивых триклозанов. Желаю производителям этой рекламы, чтобы они на том свете целую вечность питались супом из акваминералов с керамидами.

Несколько раз видела – правда, в Москве – как на какую-нибудь престижную тусовку прорывается пожилой фотограф или забвенная журналистка, пытаясь хоть как-то присоединиться к шуму обманувшей их жизни, а охранники с лицами холодильников теснят их тупо и равнодушно. И эту картинку я ненавижу.

Целых два года, с первого правительственного транша, судьба которого сразу была мной предсказана, пришлось ненавидеть юбилей Санкт-Петербурга – а теперь я буду ненавидеть другое крупное грядущее несчастье города.

А как я ненавижу все объявления, приглашающие меня похудеть! И чего они цепляются к моим заветным килограммчикам, которые я нажила честным трудом. Я их годами собирала. Я знаю, где приобретались восьмидесятые килограммы и откуда взялись-пошли девяностые. Мой личный вес рос в точном соответствии с ростом моего веса в обществе – так как же вы осмеливаетесь назвать его «лишним весом»? Да таких, как я, вообще больше не рождается. Я горжусь собой. Я хочу стать еще толще и ужаснее.

Ненавижу всех интеллигентов, которые пошли в лакеи к властям. Пиаром их заниматься, речи им писать. Я однажды сказала – а вот не я буду им речи писать, а эти твари будут дрожащими руками открывать газету, чтобы прочесть, что я о них думаю. Пока ведь речь идет не о голодной смерти, а просто-напросто об излишке комфорта. Ненавижу трусость – и прав Булгаков Михаил, хуже порока нет.

Ну, скажет читатель, а все остальное вы любите, что ли? Да нет, конечно, но помилосердствуйте– статья кончается, а я только начала!

2003 г.

Когда солнце было за нас

Итак, друзья, мы переносимся в октябрь 1983-го года, на Исаакиевскую площадь, дом пять. Здесь расположен научно-исследовательский отдел Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии Я – аспирантка сектора источниковедения и работаю над темой «Драматургия А.Н.Островского 1870-х годов.» Я отчаянно влюблена. Сейчас откроется дверь и Он войдет. На нем – шикарный черный плащ (от комиссионного магазина на улице Некрасова), польская рубашка в клеточку (от комиссионного магазина на Лиговском проспекте), а на плече висит настоящий воинский планшет (от дедушки). Он – тоже аспирант сектора источниковедения и пишет диссертацию «„Моцарт и Сальери“ А. С. Пушкина в контексте русской художественной культуры XX века». Он легкий, прохладен, свободолюбив, разговорчив, он улыбается, как принц эльфов и зовется Сергей Шолохов.

Наши коллеги, усиленно трудящиеся над темами «Героическое в советском искусстве» и «Образ В.И. Ленина в театре семидесятых-восемидесятых годов», считают нас задаваками и пижонами. Это несправедливо. Мы – дети трудового народа. Мама Шолохова, золотая медалистка, архитектор, не имеет даже собственного участка и снимает коммунальную дачу в Солнечном – которую у нее отберут в девяно-

стых годах, хотя именно она эти приюты для бедных и проектировала. Моя мама, золотая медалистка, недавно защитила кандидатскую диссертацию, название которой я выучила с целью произнесения в гуманитарной среде. Вот оно. «О некоторых особенностях дисбаланса карданного вала привода подвагонного генератора». Собственности мы не имеем никакой, хотя мамины изобретения даже внедрены. В середине восьмидесятых будет куплена избушка в Псковской области за огромную для нас сумму (семьсот рублей), нынче ободранная богатырскими псковичами вплоть до розеток и проводов и даже, кажется, уже раскатанная по бревнам.

Однако мы с Шолоховым получаем приличную стипендию (сто рублей, девяносто на руки) и потихоньку начинаем печататься. Шолохов – в газете «Ленинградская правда», я – в газете «Ленинградский рабочий». Рецензия на х/фильм стоит в «Рабочем» рублей четырнадцать-шестнадцать. В «Правде», конечно, подороже. Это загадочное учреждение занимает три этажа известного дома на Фонтанке, а мой скромный «Рабочий» – всего полэтажа. Хотя оба товарища являются, как написано у них на лицах, «органами ленинградского обкома КПСС». Ну, мы ж понимаем, органы органам рознь.

Вот, значит, как. Сейчас Он придет, и нас посетит одна и та же идея. Эта идея появилась сразу, как только мы поступили в аспирантуру и явились на первое заседание сектора источниковедения, в январе восемьдесят третьего го-

да. Идея заключалась в том, чтобы пойти выпить пива, а потом пообедать в столовой Консерватории. К июню мы допились пива до того, что в день рождения А.С.Пушкина моего принца эльфов забрали в трезвеватель. Я тоже влезла в милицейскую машину, желая разделить участь друга. Но меня почему-то забраковали, а Серегу отдали через два часа, после того, как я залила горестными слезами весь участок с сильным текстом вроде «Отдайте мне его, я без него не могу жить!». Сначала служители закона вежливо объясняли мне, что привезенное они никак не могут отдать, потому что оно не ходит и, в общем, ни для каких целей не годится. Потом, встревоженные силой моего чувства, вывели бледного и ласково улыбающегося Серегу. По дороге домой он сломал ветку сирени и подарил ее мне, со словами «Ты – настоящий товарищ».

Это была правда, но она мне не понравилась. Я не собиралась с ним дружить. Я вообще дружу с мужчинами, когда у меня нет времени, желания или возможности их соблазнить. А тут-то времени было – вагон и маленькая тележка! Застой же стоял, благослови его Господь! Я могла преспокойно стравить целый год на приручение абсолютно неприручаемого эльфа.

Скоро эти каникулы Бонифация окончатся. Задуют ветры истории, раздастся подземный гул, юноша в черном, с грацией пантеры, глухим голосом вечности споет про звезду по имени Солнце, а другой, с раскаленными глазами, в крас-

ном шарфе, закричит о том, что Солнце за нас! В развалившихся *домах культуры* мы будем плясать на спинках стульев, счастливые, яростные, веселые, всерьез поверившие, что дракон издыхает, что рассыпается советский Китай, что из этой грешной и глубоко падшей жизни еще можно выжать пол-литра счастья для всех. А *они* будут врать нам про Чернобыль, как теперь врут про «Курск», и хлопотать вокруг своих поганых денег, как хлопочут и сейчас, и с грехом – да что там! – со всеми смертными грехами пополам взбираться на гору из жирных кусков, которую *они* нынче обвели заборами, стенами, оградами, решетками, и правильно, психических больных и надо изолировать от общества.

А потом начнут умирать веселые ребята восьмидесятых, гуляки, задаваки, пижоны и, по нынешнему говоря, «приколисты», не дотянув и до сорока, и уйдет лихое время, Когда Солнце было за нас.

Но это потом – а пока я стою на лестнице бывшего особняка графа Зубова, курю болгарскую сигарету «Интер» и жду появления силуэта, от которого забьется мое бедное сердце. Мне безразлична советская власть, я люблю драматургию А.Н.Островского, могу осилить целую бутылку знаменитого портвейна с изображением приветливого дяденьки в шляпе (от коего падают признанные бойцы), мне все равно, что есть, как одеваться и что обо мне скажут.

Помню, в восьмидесятые хорошее настроение было – годами.

2003 г.

Опять двойка

Некоторым образом, некогда и в некоем царстве (и совсем даже не в Элладе, в Элладе только принимали последствия этих событий), единая и неделимая богиня, владевшая всей полнотой стихии любви, разделилась на две части. Рожденная из семени Отца, излитого в море, богиня раздвоилась на Кюбовь Небесную и Кюбовь Земную, в терминах того времени – на Афродиту Уранию (для избранных) и Афродиту Пандемос (для всех остальных). Это известно всякому образованному человеку. Но никакое образование не дает ответа на вопрос, зачем это понадобилось и что с этим делать.

В аллегорической живописи Урания, как правило, стройна, печальна, окружена своими ураническими атрибутами и смотрит куда-то мимо земной жизни. Пандемос, естественно, розовощека, крутобедра, окружена символами плодородия и смотрит прямо на зрителя – дескать, выбирай, дружок. Или она, или я.

Если это была провокация, то она удалась блестяще. За долгие века человеческих мучений удалось образовать целую область небесного томления по недоступным и недостижимым соитиям. Однако сказать, что Урания в своей борьбе за власть над человеком вовсе обходилась без Пандемос, было бы неверно. Скорее, сочиняя текст жизни, оба единосущных воплощения действовали в паре. Вроде как Гаррос

— Евдокимов.

На русской почве первым (а может, и единственным), кто догадался об этом, был А.С.Пушкин. Его стихотворение «Рыцарь бедный», изуродованное цензурой, процитировал Ф.М.Достоевский в романе «Идиот». Речь идет о страннике, «сгоревшем душою», который не смотрит на земных женщин, оттого, что «полон чистою любовью, верен сладостной мечте». Строфу о том, что же случилось конкретно, цензура изъела. А случилось вот что: «Путешествуя в Женеву, по дороге у креста, / видел он Марию-деву, мать Господа Христа». Далее, как известно, «он себе на шею четки / вместо шарфа повязал / и с лица стальной решетки / не пред кем не поднимал... / возвратясь в свой замок дальний, / жил он строго заключен, / все безмолвный, все печальный, / как безумец, умер он».

И тут начинается самое интересное. Даже если Достоевский знал о заключительных строках «Рыцаря бедного», повторить эту великолепную ересь он не мог. «Между тем, как он скончался, / бес лукавый подоспел, / душу рыцаря собирався / утащить он в свой предел. Он-де Богу не молился, / он не соблюдал поста, / не путем-де волочился / он за матушкой Христа! / Но Пречистая сердечно заступилась за него / и впустила в царство вечно / паладина своего.» Итак, вместо чистой, отвлеченной любви мы вдруг имеем ясную картину крайней эротической одержимости недоступным предметом. Недоступным в земной жизни, но существующим. Ры-

царь видел свою даму и по своему «волочился» за ней. Довольствоваться эрзацами он в силу цельности и возвышенности натуры не мог. И победил, тронул сердце дамы, впустившей его в свое царство. То есть перед нами любовная история, сплетенная Уранией не без участия Пандемос – но, в отличие от Пандемос, разводящей свои костры прямо на земле, да еще не по одному разу за короткую человеческую жизнь, Урания дает некоторые перспективы и на небесные просторы. «Там и потом» можно встретиться. Но что мы найдем «там и потом» в смысле эроса – вопрос заколдованный.

Желающий ознакомиться с верованиями человечества по этой части, будет долго и сладко продираться сквозь сонмища влюбленных, ревнивых, отверженных и взыскующих богов и героев, пока не спотыкнется трижды – об Яхве, об Христе и об Аллаха, чтобы навеки застыть в недоумении: так они «там и потом» занимаются этим, в конце концов, или нет? (Или, как Марлен Дитрих однажды спросила изумленно: «А что они там делают, на небе, сидят на головах друг у друга?»). С ангелами вроде бы понятно – они не женятся и детей не имеют. Но ангелы ведь представляют собой что-то вроде сферы небесного обслуживания, это такие небесные рабочие пчелы, им и положен специальный англоэротизм. А там еще туча населения, на небесах, они-то как? И влияют ли наши земные приключения на тамошние лав стори?

М.Ю.Лермонтов считал, что очень даже влияют. Он написал стихотворение о людях, любивших друг друга «долго и

нежно», но избегавших признаний и встречи. «И были пусты и хладны их краткие речи». Наступила смерть, состоялось свидание за гробом – «Но в мире новом друг друга они не узнали». Значит, по Лермонтову дело простое – при жизни не потрудились, после смерти не получили награды.

В.В.Набоков тоже пытался представить, как могут выглядеть посмертные свидания тех, кто был при жизни вместе, но даже его могучее воображение как-то буксовало. Герой романа «Пнин», бедный профессор, всю жизнь страстно и тоскливо любил свою жену Лизу. И вот, будучи уже пожилым и беспросветно одиноким, Пнин думает с горечью – а что же я буду делать на том свете, когда ко мне подползет эта жалкая, уродливая душонка (Лиза на земле красавица, но душа у нее мелкая, некрасивая) и попросит о помощи, о союзе? А если, например, у человека было три жены – тогда что?

Решительно запутавшись в туманных предположениях, человек обычно твердо останавливает свой утомленный взор на розовых щеках Афродиты Пандемос. Тут все ясно. «Здесь и сейчас» – а «там и потом» разберемся как-нибудь.

Но Пандемос без Урании становится распутной, лживой, грубой и мелкой – а Урания без Пандемос бесплодна, суха, истерична и фальшива. Жизнь опять получает двойку, разбиваясь на бордель и монастырь. Небо и Земля смотрят друг на друга подозрительно и сурово. А отдельным индивидуумам приходится, как всегда, вертеться на житейской сквородке

– то к Урании подольститься, то Пандемос не обидеть. Крутимся, короче!

2003 г.

Все будет!

Жизнь человечества можно уподобить спектаклю, идущему дремучее количество лет в каком-нибудь стационарном провинциальном театре, учрежденном волевой рукой фантастической власти в маленьком городе, где театр на фиг не нужен. Скажем, это «Конек-горбунок». Когда-то его поставил способный молодой режиссер, подающий большие надежды, но следы режиссеры давно стерлись, все мизансцены утеряны, сменилось несколько составов исполнителей, декорации обветшали, а текст сами актеры ненавидят до отвращения. Но «Конек-горбунок» идет! И все новые и новые поколения приобщаются к нелегкой судьбе Ивана и его лошадки.

Так вот, я свято уверена, что человеческая история, как этот «Конек-горбунок», будет идти, несмотря ни на что. И все основные составляющие человеческого спектакля пребудут в целостности, но не в сохранности.

Нет сомнений, что рельефные сбои даст в цивилизованных странах основной инстинкт. Старинное деление человечества на гетеросексуалов, гомосексуалистов, зоофилов и так далее станет глубоким ретро, а наиболее актуальным делением по сексуальной ориентации станет деление на две главные группы. В первой будут находиться все те, кто может иметь дело с какими-либо формами органической жизни, а во второй – те, кто не может. Вторая группа будет постоян-

но увеличиваться в объеме, и вырастет огромная, непредставимая сейчас индустрия для удовлетворения потребности в эросе – без контакта с живыми существами. Вообще число людей, избегающих всякого соприкосновения с себе подобными, возрастет. Эти вежливые, тихие, работающие люди наладят себе особенную жизнь, где найдется место для выращивания совместных виртуальных детей, заочной групповой пьянки и каннибализма по взаимному согласию.

Несомненно, будут изобретены новые способы изменения сознания. На смену химии придет физика. Электронные наркотики, передающиеся по Интернету и мобилам (мобилы станут аккуратной деталью личного дизайна, вроде брошки и будут реагировать на голосовые приказания, как телефонисты в старину) – вызовут к жизни электронную полицию. Могучие игровые герои попытаются контролировать оборот и сбыт виртуальных наркотиков.

Архаические формы жизни отойдут к бедным, малоимущим и людям скромного достатка. Отойдут и закрепятся за ними. Мальчик из небогатой семьи будет твердо знать, что его ждут чтение книг, рыбалка, телевизор, сбор грибов, женитьба на живой женщине, общественный транспорт – движущиеся тротуары к тому времени, строго отмеренное число метров жилплощади, обязательное участие в выборах под угрозой штрафов и многое другое. Если он, конечно, не прорвется в иные социальные сферы. Где возможно моментальное обучение любым знаниям путем специальных программ,

внедренных прямо в сознание. Где люди могут жить в подводных и воздушных виллах – компактных поселениях с искусственным климатом, уик-энд проводить на орбите Земли в космических гостиницах, мгновенно перемещаться в любую точку планеты с помощью давно предусмотренной фантастами телепортации, носить одежды из тканей, имеющих лечебный и омолаживающий эффект, заказывать цветные стереоскопические сны лучшим режиссерам, и при желании никогда и ни с кем не разговаривать.

С одной стороны, жизнь будет более регламентирована, чем сейчас. Не только в развитых странах, но почти что повсеместно каждому индивидууму будет положено общее идентификационное удостоверение – со счетом в банке, номерами страхования, отпечатками пальцев, группой крови, коэффициентом интеллекта и неким числом, обозначающим место данного человека в общей системе издевательства над людьми. С другой стороны, приступы Хаоса явятся чаще. Чем рациональнее организуется жизнь, тем кошмарнее и обширнее станут и катастрофы, которые займут первое место в реестре причин смерти на пару с самоубийством.

Сильно изменятся женщины, резко поделившись на искусственных и натуральных. Я думаю, их будет много в парламентах грядущего. Искусственные будут выглядеть, как Мадонна (а сама Мадонна к этому времени будет выглядеть точно так же, как сейчас), натуральные – как Валерия Новодворская. Способность любви к мужчинам войдет в число

редкостей, вроде умения надолго задерживать дыхание под водой или переваривать древесину.

Мне кажется, при таком положении дел, должно значительно увеличиться число беглецов, бродяг, праздношатающихся, бомжей, неприкаянных и ни к чему не приткнутых личностей, без идентификационной карточки и средств к существованию. Из них грозят образоваться целые колонии, особенно в России. Из этих колоний начнется экспансия новой религии, направленной на полное разрушение имеющегося мира. Несколько попыток будет подавлено, а затем к еретической секте бродяг присоединятся выдающиеся хакеры и программисты. Результат прогнозировать трудно.

Что еще видится в тумане грядущих лет? Средний рост популярных голливудских актеров – секс-символов приблизится к 160 (для мужчин) и 190 (для женщин). Для успешной карьеры в шоу-бизнесе, правнукам Аллы Пугачевой будет произведена имплантация голоса. Ученые из Новосибирска откроют средство для лечения глупости, но столкнутся с дефицитом пациентов. Снежный Человек обнаружится в окрестностях Брянска и окажется побочным сыном Василия Ивановича Шандыбина. Евреи дождутся своего Мессию и посадят его в тюрьму за антисемитскую пропаганду и уклонение от уплаты налогов...

Да чего только не будет в нашем «Коньке-горбунке»! Все будет! Кроме, слава Богу, нас с вами, читатели.

2003 г.

Собственно, желание

Каждому из нас случалось, гуляя по лесу, встретить нищую старушку и дать ей пирожок / помочь донести вязанку хвороста. После чего старушка обращалась в фею и выражала готовность исполнить любые наши три желания.

ВНИМАНИЕ: ЭТО ПРОВОКАЦИЯ!

Никакие силы ни на этом, ни на том свете не интересуются нашими желаниями. Они могут запутать нас, играть с нами, губить нас или спасать, но наши желания – это все, что у нас есть личного, собственного, никому не нужного и всецело нам принадлежащего.

Он удивителен, этот мир человеческих желаний. О том, насколько он удивителен, знают в полной мере разве участковые милиционеры и врачи-травматологи. Список вещей, которые люди умудряются вставить себе в задний проход, явился бы хорошим дополнением к декларации прав человека. Единственный крик, который вырывается в момент ознакомления со статистикой травмопунктов, это: «Не может быть!». Но люди для того и придуманы, чтобы посрамить и опровергнуть всю область реально– возможного. Поэтому каждый человек имеет право по собственному желанию сунуть подведомственную ему часть тела – ну, допустим, в пылесос.

Согласимся, при таком разнообразии человеческого воображения, три желания – это несерьезно. Если у вас одно желание – вы влюблены. Если великое множество – вы нормальны. Если у вас нет желаний – вы мертвы. Но найти человека, у которого ровно три заветных желания, маловероятно. В этом и заключена демоническая провокация: заставить героя врасплох, навязать проклятый выбор. Лукавые демоны прикидываются птичками и рыбками, дабы вдоволь поиграть со своей жертвой. Так мы и поверили, что морская царица (золотая рыбка) взяла и попалась в сети. Кто ей мешал уничтожить все неводь мира одним движением хвоста? Но она сыграла свою игру для доказательства того, что никто из смертных пока не подготовлен к вопросу: «Чего тебе надобно, старче?»

Самая чудесная история по части исполнения желаний описана в Библии – это история царя Соломона. Сделавшись царем, Соломон отправился в уединенное место и там взмолился Господу, попросив у него – не богатства, не силы, не власти, не душ врагов своих – а мудрости, разума. Потрясенный Господь, у которого такого не просили никогда, ответил – за то, что ты не просил у меня ни богатства, ни силы, ни власти, ни душ врагов своих, но только мудрости, я дам тебе мудрость, а заодно и богатство, и силу, и власть, и души врагов твоих. На самом деле, если всерьез просить – так только того, что просил Соломон.

Ну, а если не всерьез, то вместо набора из трех жела-

ний, в который играл сказочный мир древности, предпочтительнее взять семь лепестков, предложенных советским писателем Валентином Катаевым в сочинении под названием «Цветик-семицветик». «Лети, лети, лепесток, / через Запад на Восток, / через Север, через Юг, / возвращайся, сделав круг, / лишь коснешься ты земли, / быть по-моему вели» — так вещала девочка, которая, конечно же, ничего лично для себя путного не добилась, но зато, на последний лепесток, помогла хворому товарищу-пионеру.

Вот и я, как бывшая пионерка, набросала на досуге список желаний, зарезервировав для себя только два места. Все равно заставят служить людям, так лучше добровольно, может, какая скидка будет. Разумеется, у меня есть, так сказать, нецензурные желания, как у всех порядочных людей. Никакого интереса они не представляют в силу удручающей банальности. А из желаний, которыми я могу поделиться с читателями, путем фильтрации выбраны следующие:

1. ДЛЯ ЗЕМЛИ

После того, как я посмотрела по ТВ сюжет о белорусской деревне, где умельцы придумали делать топливо из рапсового масла, и их трактора ездят, распространяя благоухание свежеподжаренных пирожков, для матери-земли одно у меня пожелание: чтобы провалилась в преисподнюю вонючая и кровавая нефтяная цивилизация, а все, что надо, работало бы на рапсовом масле. Да здравствует рапс, чем бы он ни

оказался (никогда не видела)!

2. ДЛЯ АМЕРИКИ

Величайшим благом для Америки стало бы, если бы кока-кола продавалась только на территории Америки, и там же, и только там, находился Макдональдс.

3. ДЛЯ РОССИИ

Для процветания России нужны сушие пустыки. Вместо того чтобы травить олигархов экстрадициями и деприватизациями, надо поручить им в приказном порядке, на полученные сверхприбыли, всем вместе – от Абрамовича до Ходорковского – в трехлетний срок построить шоссе «Москва – Владивосток». Оно было бы построено, уверяю вас.

4. ДЛЯ ПЕТЕРБУРГА

Никаких новых домов в историческом центре, тотальное озеленение, фонтаны и скверы, экологическая полиция и очистка от загрязнения до такой степени, чтобы в Неве можно было купаться.

5. ДЛЯ СЕМЬИ

От детей мне нужно только одно – здоровые и сытые внуки. Все остальные желания по отношению к детям очень уж тщетны.

6. ДЛЯ СЕБЯ

По честному, я хотела бы умственно и физически остаться такой, какая я сейчас, без изменений, вплоть до момента, когда придется отбросить коньки.

7. ДЛЯ СЕБЯ

А коньки я хотела бы отбросить не раньше, чем побываю на Луне. Сначала, конечно, поедут первопроходцы, потом строители, потом миллионеры, а потом и просто граждане, накопившие на пассажирскую ракету. На Луну я хочу по двум причинам: во первых, я там буду весить семнадцать килограммов, во вторых, ужас как хочется посмотреть на небо, где светит – Земля.

Итак, всего семь желаний, причем далеко не сверхъестественных. А вы представьте только себе этот новый чудесный мир, засаженный рапсом, где кока-кола продается только в Америке, русские спокойно раскатывают до Китая по шоссе имени олигархов, дети купаются в Неве, до Луны идет пассажирская ракета...

Хочется, да? И мне. Дурачки мы с вами, дурачки.

2003 г.

Радости праздности

«Праздник» и «праздность» в русском языке – одного корня. Не знаю, есть ли в других языках что-нибудь подобное, однако имею твердые предположения. Счастье как отсутствие всякой целенаправленной и осмысленной деятельности – конечно, это русское счастье. И главная особенность всякого праздника состоит в том, что он – не работа.

Поэтому размышления на тему, что и как праздновать, они, в общем, праздные. Второстепенные и дополнительные к главному блюду, то есть к упомянутому мной отсутствию всякой целенаправленной и осмысленной деятельности, к русскому счастью.

Для ценителей освежающих контрастов, самая пикантная разновидность праздника – это *пьянка на рабочем месте*. Вот только что в помещении сновали деятельные монстры, изображая из себя начальников и подчиненных, трудясь над воплощением разнообразных химер. И вдруг – чудодейственное преображение. Там, где царила каторга труда, парит легкий, слегка отравленный дух праздности. У всех налито. Люди расцветают маковым цветом. Мужчины вспоминают что-то о себе, женщины задумывают что-то свое. Во время пьянки на рабочем месте, как правило, рассказываются самые глупые анекдоты, произносятся самые пошлые тосты и звучит самый дурацкий смех. Это не нарочно. Это

карнавальный отдых от утомительной игры в трудовую дисциплину. Наивысшей точкой осуществления пьянки на работе является, конечно, ритуальное совокупление отдельных коллег где-нибудь в неподобающем месте – это уж чистый привет Венеры Марсу, а также Меркурию, Юпитеру и всем остальным деловым.

Говорят, будто праздность – мать всех пороков. Неправда! Праздность – она вообще мать всего. Ну, в том числе и пороков, никогда ведь не угадаешь, чего народится.

Титул самого сомнительного праздника по праву носит *«День рождения»*. Я сильно подозреваю, что это чистый новодел, плод буржуазного индивидуализма. Старые летописи даже год рождения того или иного властителя указывают нетвердо, что уж говорить о трудившейся несколько тысячелетий массе, которая вставала на рассвете, ложилась на закате, а про свой возраст знала только, что еще может/ не может в поле работать. Но буржуазная гордыня, развиваясь во времени, довела кучу индивидуумов до того, что раз в год они затевают страннейшее предприятие – собирают знакомых, заставляют их пить и есть, а взамен желают выслушать речи о том, как они сами эти индивидуумы, хороши и прекрасны. То есть человек упрямо настаивает на том, что он родился и с этим надо считаться. Примерные хозяйки в этот день с утра парятся у плиты, чтобы потом выпить быстро-быстро четыре рюмки, вконец осоловеть и дымчатыми глазами созерцать картину безудержной энтропии этого грешного ми-

ра – как с любовью выпестованный стол превращается в по-мойку. О, дивный запах окурка, потушенного об шпроты! О, надкушенный соленый огурец! О, взрывоопасная «Бонак-ва», фонтаном заливающая полстола и пару-тройку деколь-те впридачу! Конечно, мы уже имеем в России достаточное количество горделивых индивидуумов, которые могут при-гласить своих гостей в ресторацию. Это удобно и прилично, но как-то скучновато. Гости неумолимо подсчитывают в уме, во сколько обошлось угощение. Хозяин хорохорится на те-му, что он-де может себе это позволить. Нет теплоты, и лег-кокрылый дух праздности подпорчен калькуляцией.

Со временем образуются круговая порука и взаимовыруч-ка – если ты был на чьем-то дне рождения, ты уже вроде как обязан пригласить на свой. Нарастают воспоминания на те-му «Это было на дне рождения у Саши, когда Паша подрал-ся с Женей». Еще существуют мнимые оригиналы, которые обязательно произносят дату своего рождения в обществе, а потом хмуро добавляют: «Но я его никогда не праздную». За разъяснением этого феномена пожалуйста к Марксу или Фрейду, я его не разгадала.

Самые правильные праздники – конечно, религиозные. Но их надо выстрадать от века положенным образом, иначе, как ни въезжай в проблематику, поэтика останется чуждой. Будучи полпредом вечности, церковь обойдется и без нас, и каждую весну Христос воскреснет, чтобы мы ни вообража-ли. Но кто пробовал мучиться сорок дней, дабы потом вку-

сить разом все отринутые блага, тот может оценить мудрость старинного устава.

Самые несправедливо забытые праздники – древние, языческие – весенний, летний и осенний солнцевороты. Отпали мы от природы, и ничего хорошего ждать от того не приходится. Весной мы празднуем, перемогая тошноту, препротивный *Международный женский день*, состоящий из сплошных пошлостей, давно осмеянных, так что и насмешки над «Восьмым марта» сами стали пошлостью. Летом вырисовывается *День независимости России*, который неизвестно как и чем знаменовать – обычно в этот день по всем каналам поет Александр Розенбаум, человек-праздник. Осень так и осталась безрадостной, и деполитизированное *Седьмое ноября* превратилось в повод, утративший всякую память о причине. Крепко держится только национальное русское время года – зима. Здесь форпостом высится незабвенный *Новый год*.

О том, что скоро Новый год, россияне начинают поговаривать где-то в октябре. Мысль о том, что опять куда-то делись три с лишним сотни дней, честно говоря, взрослых людей радует не ярко. Возбуждает другое: надежда на то, что с последним ударом Кремлевских курантов, каждому счастливцу будет вручена совершенно новенькая, тугая и хрустящая пачка времени. И опять можно будет тратить все эти коварные лунные понедельники, воинственные вторники, скромные среды, царственные четверги, обольстительные пятни-

цы, легкомысленные субботы и многообещающие – оттого и многообманывающие – воскресенья. Да, Новый год – праздник чистого времени, праздник выдачи из банка вечности положенного по закону пенсионера. Примета, гласящая, что, как встретишь Новый год, так его и проведешь – ложная, и многожды опровергнутая в опыте. Обращать внимание стоит не на то, как ты реально провел Новый год, а на то, как тебе хотелось его провести. Тут сосредоточен узел личных взаимоотношений со временем. Какие были токи желаний – уехать к черту на рога? Остаться дома? Побывать с кем-то заветным? Вообще быть одному? Оттянуться в шумном обществе? Выдумать что-либо небывалое? Ничего совсем не хотелось? Вслушайтесь в себя – это важно. Ваше личное время готовится бежать по проводам вашей личной судьбы.

А нарядить елочку да запихнуть водочку в морозилочку – не проблема. Отдыхать – не работать.

2003 г.

Бес мелкого

*Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.*

Старая советская песня

*Все ниже, и ниже, и ниже
Стремим мы полет наших рыл,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших могил.*

Злобная пессимистическая пародия эпохи застоя

Всегда остается слабое утешение: нивелировку человеческого ландшафта России, измельчание и опошление здешней людской породы можно приписать к общемировой тенденции. Действительно, мы мелки, а не мелок кто ж? Такие уж времена, как говорит один персонаж чеховской «Чайки»: «Блестящих дарований стало меньше, это правда, зато средний актер значительно вырос». Тайный юмор этого рассуждения в том, что рост «среднего актера» никому решительно не нужен, поскольку как бы ни рос средний, то есть посредственный, актер, до гения он все равно не дорастет. Так вот, читаешь современные байки о том, что хотя гениев и нету,

но средний уровень нашей литературы значительно вырос, и думаешь: а есть ли искусство без гениев и жизнь без великих людей? Не кошмарный ли сон такая жизнь, такое искусство?

Петербург – ненормальный, неестественный город с нереальной судьбой. Это русский вызов небу и земле, русская претензия на мазурку с Государем в тронном зале мировой истории. Ни у кого не было такой скорости развития, таких интересных императоров, такого количества архитектурных удач на единицу площади и времени, таких поэтов, таких наводнений, такой революции, такой блокады, такого ужасного климата (о последнем обстоятельстве петербуржцы почему-то говорят с особенным удовольствием). Если в Петербурге переведутся гении или хотя бы чудачки и оригиналы, юродивые и отщепенцы, аскеты и подвижники, если выплата ничтожных пенсий и вовремя включенное отопление составит предел петербургских мечтаний – все, кончен бал, погасли свечи, русская претензия миру свернута и предъявлению более не подлежит.

В нынешней концепции «единой России» – серой, скучной, однообразной, абсолютно подчиненной начальникам, не имеющей никаких целей вне пищеварения, Петербургу нет места. Он, даже в своем жалком измельчавшем виде, все-таки вываливается из всех «единоросских» координат, неправильно и недружно голосует, воспроизводит какую-то бледно-зеленую, но оппозицию, издает глухое, но вполне различимое шипение из полностью, но не окончательно при-

давленных СМИ. У Петербурга – недовольная физиономия, как у того повара, которому барыня приказала съесть вынужденного из щей таракана (описано Щедриным). Повар, конечно, таракана съел, однако по лицу было видно, что он – бунтует, отметил сатирик.

Бог послал мне случай убедиться, какие бездны равнодушия подстерегают город, когда в июне-сентябре 2003 года, во время предвыборной кампании В.И.Матвиенко, я работала в «бледно-зеленой оппозиции» – среди журналистов «Петербургской линии», формировавших протестное голосование. Москва, полностью убежденная, что дело давно и прочно решено, даже не понимала, что мы, собственно имеем в виду и для чего трепыхаемся. Журналистское сообщество полусочувственно – полураздраженно разглядывало сомнительных бунтарей, которым больше всех надо. Горожане пожимали плечами – чего жужжать, когда «старший приказал». Сделаем, как хочет президент – и получим за это пирогов и пряников. Смысл воли президента не обсуждался: у него образовался прочный кредит и на бессмысленное волеизъявление.

На этом фоне каждый свободный, независимый, искренний голос воспринимался как чудо. Но таких голосов было немного.

Промолчала научная общественность Петербурга, и мне так и не довелось узнать, есть ли у нас ученые, кроме Жореса Алферова, чьи политические взгляды навсегда остались

бы достоянием его личных биографов, если бы не пагубный демарш Нобелевского комитета. Во все местные отделения оппозиционных (как бы) партий поступил недвусмысленный сигнал из центра. Бизнес вздыхал, кряхтел и задумчиво тыкал пальцем в небо. Оставалась одна слабая надежда – на тех, кто вроде бы обязан силой личного примера поддерживать ментальное достоинство петербургской, сиречь русской, культуры. Мастерам искусств независимость в сегодняшнем мире положена по штатному расписанию. Какие такие политические бури могут поколебать трон знаменитого актера, известного музыканта, кинорежиссера с мировой славой или писателя-классика? Они сами могут колебать троны, их мнения должны трепетать, их расположения жадно ловить...

Двадцать пять лет назад отчим одной моей подруги с хорошей фамилией Школьник, договорился с редактором Ленинградского телевидения Татьяной Богдановой насчет того, что, дескать, придет способная девочка из Театрального института. И нельзя ли попробовать поручить ей что-нибудь.

Анкетные данные у меня были хорошие, проходные – титульная национальность, никаких связей с отщепенцами. Я решила предложить телевидению цикл передач о выдающихся ленинградских актерах и набросала список. Я сейчас не помню всего состава, но вроде бы уже мало кто остался в живых.

Редактор Богданова сидела и смотрела на список без выражения лица. Потом она куда-то позвонила и спросила:

«Солоницын проходит у нас как лицо в кадре?». Ответ, видимо, был неутешителен. Богданова стала спрашивать дальше. В общем, прошла одна только Елена Соловей. Я поинтересовалась, как так может быть, что Анатолий Солоницын, известнейший артист, звезда фильмов Тарковского – они же не были запрещены, шли повсеместно – работающий в популярном театре (имени Ленсовета тогда), и вдруг не проходит как «лицо в кадре». Богданова посмотрела на меня большими утомленными глазами и сказала: «Это – телевидение. Это – ведомство Геббельса».

Из участников этой ситуации на свете остались только я и Елена Соловей. Нет Ленинградского телевидения, никто сегодня не будет по поводу актера звонить наверх и спрашивать, разрешено ли это лицо в кадре. Культура и ее деятели, казалось бы, совершенно свободны от идеологического давления. Все провалилось в тартарары – заказные фильмы о секретарях обкома, спектакли к памятным датам, масштабные полотна членов Союза художников, диссертации «Образ В.И.Ленина в кино и театре 70–80 годов», кантаты о Родине...

Правда и то, что таких актеров, какие были в моем списке, тоже больше нет. В масштабах их таланта советская власть, конечно, несколько не повинна – просто они, рожденные в 20-х–30-х–40-х годах были питомцами неподорванного еще генофонда, не окончательно загубленной русской природы, неизмельчавшей насовсем людской породы, растерзанной,

но не опощенной в неких глубинах культуры. Но вот структуру поведения и артистов, и всех прочих деятелей искусств, формировала все-таки власть.

Власть относилась к искусству с угрюмой и свинцовой серьезностью. Докапывалась грозными постановлениями до невинных маргинальных поэтов и писателей. Следила за всеми контактами безобидных социальных мечтателей. Воевала с «пошлостью и безвкусицей» на сцене и экране. Строго и придиричиво относилась к исполнителям важных идеологических ролей. Контролировала нравственность буквально всех героев всех произведений. Соответственно, провоцировалась и обратная серьезность – «титаническое самоуважение» (термин Маяковского) советских работников искусств.

В современной России, на момент начала 2004-го года, нет никакой идеологии – ни плохой, ни хорошей, ни основательной, ни авантюрной, ни гуманной, ни человеконенавистнической. Идеальный корпус властей – круглый, сияющий ноль единой зачем-то России. В деле освоения природных богатств Российской Федерации с целью личного процветания никаких искусств, собственно говоря, не нужно. Нужно содержать минимум конвертируемой культуры для предъявления иностранцам и нужно как-то подкармливать тонкую прослойку работников искусств (в основном, столичных) для предотвращения информационного взрыва. Что касается масс, замученных еще в средней школе, то им никакая «высокая» культура никогда не была нужна, им ее навя-

зывали, и, правду сказать, удачно. Теперь же они могут и сами разобраться, кто им милее – Шостакович или Катя Лель.

То, что культура не нужна властям, живо чувствуется по всей стране. Равнодушное и пренебрежительное отношение к культуре провоцирует, соответственно, тайную нелюбовь деятелей культуры к самим себе. За исключением узкого круга лиц, создающих конвертируемое искусство, они не уважают себя и на удивление бездарно распоряжаются своей репутацией.

Вдребезги разбился миф об особенной «петербургской культуре», культуре «второй столицы» во время выборов Валентины Матвиенко. Да, кто спорит, Петербург – город, перегруженный мечтами и надеждами, и любые разочарования тут закономерны. Мы «грузим» Петербург собственными иллюзиями, о чем он нас вроде бы не просил. И тем не менее героический миф искусств Петербурга сверстан и богат лицами, перед которыми многие современные деятели выглядят, как мелкий крысиный помет в амбаре зажиточного купца.

Тут юнкер Лермонтов пишет раскаленное стихотворение, обвиняя «стоящих у трона жадною толпой» в смерти первого поэта. Кашляет чахоточный Белинский, не примиренный с действительностью. Некрасов приводит в трепет министров и генералов колючей музыкой насмешливой русской речи. Ругается злейшим матом действительный статский советник Щедрин, выцарапывая номер «Отечественных записок» из-

под цензуры. На краю долговой тюрьмы, запивая отчаяние крепчайшим чаем, Достоевский диктует молоденькой стенографистке своего «Игрока»... дальше, дальше... вот 1918-й год, и голодный Блок идет читать лекцию в промерзшую университетскую аудиторию, а навстречу ему кто ползет? Вроде бы Корней Чуковский... Есенин кривит высокомерные губы – он, Божий поэт, «не расстреливал несчастных по темницам»... А вот Михаил Зощенко на собрании союза писателей: «Вы называете меня трусом, а я русский офицер, награжден Георгием. Моя литературная жизнь закончена. Дайте мне умереть спокойно». Тунейдец Бродский на суде...

И это только литература, а сколько подвижников было во всех областях – в просвещении, в музейном деле, в музыке, в кино...

Все так. Но это – вершины. Были и другие деятели искусств – калибром помельче, талантом пожиже. Ценили они знакомства при дворе, хороший пенсioen, вовремя появившуюся рецензию, расположение начальства. Иногда они были бездарны, иногда – со способностями, но всегда применялись к обстоятельствам. «Сначала хлеб, а нравственность потом!» (Б. Брехт. «Трехгрошовая опера»).

Вот такие и остались, поскольку они воспроизводятся без напряжения, ходом инерции и по неумолимым законам энтропии. Что касается вершин, для их роста требуются значительные усилия, постоянный выбор, целая череда поступков и добровольное служение.

Гуманизм предлагает измерять жизнь запросами, нуждами и правами человека. Но – какого человека? Кто принят за единицу измерения? Судя по современному цивилизованному миру, эталоном человека признан сексуально неполноценный, прожорливый дебил, склонный, как пишут в бюллетенях о продаже загородной недвижимости, «к постоянно-му отдыху». Мир подстроен именно под него, под его проблемы с возбуждением, музыкальным слухом, умственными способностями, симпатиями в политике. Этому эталонному человеку чужды, странны и страшны все те, кто служит чему-то высшему, чем собственное пищеварение. Между тем, без высшего служения жизнь бессмысленна. Лучше всего служить Богу, истине и любви, но сойдет и Родина – конечно, не единая Россия безликих начальников, а Россия идеальная, прекрасная и небесная, которую можно создать в сердце своем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.